

ЭФФЕКТ ЛЮЦИФЕРА

*Почему хорошие люди превращаются
в злодеев*

ФИЛИП ЗИМБАРДО

Перевод с английского

анф

Москва
2013

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

УДК 159.9.07

ББК 88.6

3-62

Переводчик Анна Стативка

Редактор Андрей Бирюков

Зимбардо Ф.

3-62 Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Филип Зимбардо ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 740 с.

ISBN 978-5-91671-106-6

Что побуждает хороших людей творить зло? Опираясь на исторические примеры и собственные исследования, автор знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента показывает, как ситуационные процессы и групповые взаимодействия людей соединяются в одну страшную силу, способную превратить приличных мужчин и женщин в монстров. Проясняя причины, вызывающие эти опасные метаморфозы, и предлагая способы противостояния, Зимбардо рисует явление во всем его многообразии, начиная от должностных преступлений, жестокого обращения с заключенными и пыток в тюрьме Абу-Грейб и заканчивая организованным геноцидом. Эта провокационная книга безжалостно обнажает природу человеческого поведения и заставляет нас задуматься о том, на что мы на самом деле способны — каждый по отдельности и вместе с другими, и по-новому взглянуть на самих себя.

УДК 159.9.07

ББК 88.6

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-106-6 (рус.)
ISBN 978-0-8129-7444-7 (англ.)

© Philip G. Zimbardo, Inc., 2007

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Оглавление

Предисловие	7
Благодарности	17
Дополнительные материалы	19
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Психология зла: ситуационные трансформации характера	23
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Воскресенье: неожиданные аресты	54
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Воскресенье: начинаются унизительные ритуалы	81
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Понедельник: бунт заключенных	107
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Вторник: две неприятности — гости и мятежники	141
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Среда: ситуация выходит из-под контроля	171
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Власть даровать свободу	215
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
Четверг: столкновение с реальностью	250

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Пятница: все исчезает в темноте	279
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Значение и выводы Стэнфордского тюремного эксперимента: алхимия трансформаций характера	310
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Стэнфордский тюремный эксперимент: этика и практические результаты	363
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
Исследование социальных мотивов: власть, конформизм и подчинение	400
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
Исследование социальных мотивов: деиндивидуация, дегуманизация и зло бездействия	449
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
Злоупотребления и пытки в Абу-Грейб: причины и действующие лица	482
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
Суд над Системой: соучастие командования	549
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
Сопротивление ситуационному влиянию и торжество героизма	629
Примечания	681
Об авторе	724
Алфавитный указатель	725

Предисловие

Мне бы очень хотелось сказать, что эта книга — плод любви. Но это не так. Я работал над ней два года, и за все это время ни разу не испытал этого прекрасного чувства. С тяжелым сердцем я смотрел видеозаписи Стэнфордского тюремного эксперимента (СТЭ), снова и снова перечитывал их распечатки. Время стерло из моей памяти всю степень дьявольской изощренности охранников, масштабы страданий заключенных, степень моей пассивности, позволявшей злоупотреблениям продолжаться столько, сколько я хотел, — мое собственное зло бездействия.

Еще я забыл, что первую часть этой книги начал писать еще тридцать лет назад, по контракту с другим издателем. Но тогда я быстро оставил эту затею, поскольку был не готов вновь переживать совсем свежие впечатления. Я рад, что тогда не стал упорствовать и отказался писать, потому что самое подходящее время наступило именно сейчас. Я стал мудрее и способен более зрело отнестись к этой сложной задаче. Более того, параллели между злоупотреблениями в тюрьме Абу-Грейб и событиями Стэнфордского тюремного эксперимента прибавили достоверности нашему опыту в Стэнфордской тюрьме, а это, в свою очередь, помогло прояснить психологические мотивы ужасающих злоупотреблений в другой, реальной тюрьме.

Второй серьезной эмоциональной трудностью во время работы над этой книгой стало мое личное и весьма активное участие в расследовании злоупотреблений и пыток в Абу-

Грейб. Как свидетель-эксперт со стороны одного из военных полицейских, охранников этой тюрьмы, я действовал скорее как журналист, чем как социальный психолог. Я стремился выяснить все, что только можно. Я вел с ним долгие беседы, разговаривал и переписывался с членами его семьи, собирая информацию о его работе в исправительных учреждениях США, о его службе в армии, я беседовал с другими военными, служившими в той же тюрьме. Мне хотелось поставить себя на его место, стать начальником ночной смены в блоке 1А, который нес службу с четырех часов дня до четырех часов утра сорок дней подряд, без выходных.

Как свидетель-эксперт я должен был давать показания во время судебного процесса. Мои свидетельства касались ситуационных факторов, способствовавших злоупотреблениям, в которых участвовал мой подопечный. Поэтому мне предоставили доступ к нескольким сотням фотографий, запечатлевших издевательства над заключенными. Это была весьма малоприятная задача. Кроме того, мне предоставили все доступные в то время отчеты различных военных и гражданских следственных групп. Мне сказали, что в суде запрещено пользоваться записями, и мне пришлось учить наизусть столько выводов и заключений, сколько я смог запомнить. Эта умственная работа усугубила огромное эмоциональное напряжение, возникшее после того, как сержанту Айвену «Чипу» Фредерику вынесли жесткий приговор, и я стал неофициальным психологом-консультантом для него и его жены Марты. Со временем я стал для них «дядей Филом».

Я был вдвойне расстроен и разозлен сначала нежеланием военных принять хоть одно из множества смягчающих обстоятельств, о которых я говорил на судебном процессе, объяснивших жестокое поведение Чипа и способных уменьшить срок его тюремного заключения. Прокурор и судья отказались рассматривать даже саму идею того, что ситуационные факторы могут оказывать влияние на поведение личности. Они придерживались стандартной концепции индивидуализма, которую разделяют большинство людей нашей культуры. Они считали, что поведение сержанта Чипа Фредерика было целиком и полностью обусловлено его порочными наклонностями

(«диспозициями») и стало следствием его добровольного и осознанного решения совершать зло. Мое возмущение усугублялось еще и тем, что отчеты нескольких «независимых» следственных групп недвусмысленно указывали, что за злоупотребления охранников несут ответственность и офицеры более высокого ранга, оказавшиеся неэффективными лидерами или халатно относившиеся к своим обязанностям. Эти отчеты, составленные под руководством генералов и бывших высокопоставленных государственных чиновников, ясно показали, что именно военное и административное руководство создало «бочку меда», в которой несколько хороших солдат стали «ложкой дегтя».

Если бы я написал эту книгу вскоре после окончания Стэнфордского тюремного эксперимента, то ограничился бы выводами о том, что в том или ином контексте ситуационные факторы играют в формировании нашего поведения гораздо более важную роль, чем мы думаем или признаем. Но при этом я упустил бы из виду общую картину: более мощные силы, превращающие добро в зло, — силы Системы, сложное переплетение могущественных влияний, которые и создают Ситуацию. Большое количество данных, накопленных социальной психологией, подтверждает идею о том, что в определенном контексте ситуационные факторы оказываются сильнее свойств личности. В нескольких главах мы рассмотрим аргументы, подтверждающие эту точку зрения. Однако обычно психологи не спешат принимать во внимание глубинные силы, действующие в политической, экономической, религиозной, исторической и культурной сферах, способствующие созданию тех или иных ситуаций и определяющие их как законные и допустимые либо как незаконные и недопустимые. Целостное понимание мотивов человеческого поведения требует признания степени и границ влияния и личностных, и ситуационных, и системных факторов.

Для коррекции или предотвращения нежелательного поведения отдельных людей или групп нужно понимать, какие силы, достоинства и слабые места вносят все эти факторы в ту или иную ситуацию. Затем нужно более полно представлять себе весь комплекс ситуационных сил, которые действуют

в определенных условиях, где проявляется данное поведение. Умение их изменять или избегать помогает устраниТЬ нежелательные реакции личности гораздо эффективнее, чем коррекционные меры, направленные исключительно на изменение поведения человека в определенной ситуации. Для этого нужно принять концепцию общественного здоровья, отказавшись от стандартной медицинской модели, основанной на лечении отдельных симптомов и коррекции отдельных актов антисоциального поведения. И если при этом мы не станем лучше осознавать реальную мощь Системы, неизменно скрытую завесой тайны, и не начнем понимать, по каким законам и правилам она живет, поведенческие изменения останутся нестабильными, ситуативными и иллюзорными. На страницах этой книги я много раз повторяю, что попытки понять ситуационные и системные аспекты поведения человека не оправдывают этого человека и не освобождают его от ответственности за безнравственные, незаконные или жестокие деяния.

Значительную часть своей профессиональной карьеры я посвятил психологии зла — я изучал насилие, анонимность, агрессию, вандализм, пытки и терроризм. Поэтому не могу не отметить ситуационные силы, действующие на меня самого. Я вырос в бедной семье в Нью-Йорке, в южном Бронксе. Во многом именно это «гетто» сформировало мои взгляды на жизнь и мои приоритеты. Жизнь в городском гетто требует постоянного приспособления к законам улицы. Всегда нужно знать, кто обладает властью, которую может использовать против вас или же вам на пользу, кого лучше избегать, а с кем нужно «дружить». Для этого надо уметь расшифровывать тонкие сигналы ситуации, указывающие на то, когда следует делать ставки, а когда надо воздержаться, как создавать взаимные обязательства и каким образом можно превратиться из середнячка в лидера.

В те времена, еще до того, как Бронкс пал жертвой герoina и кокаина, это гетто было пристанищем бедных, и самым ценным, что было у здешних детей, лишенных игрушек, были другие дети, товарищи по играм. Одни из них стали преступниками или жертвами преступлений; другие, казавшиеся мне вполне хорошими, очень плохо кончили. Иногда было совер-

шенно ясно, почему. Например, отец Донни наказывал его за все, что считал «проступком»: при этом он раздевал Донни донага и заставлял становиться голыми коленками на рис в ванной. В других ситуациях этот «отец-мучитель» был весьма обаятельным, особенно общаясь с дамами, жившими в том же доме. Донни, травмированный таким «воспитанием», еще подростком оказался в тюрьме. Другой мой приятель вымешивал свой гнев, свежую живых кошек.

Чтобы войти в банду, нужно было пройти «инициацию» — что-то украсть, подраться с другим мальчишкой, совершить какой-то смелый поступок, напугать девчонок и еврейских детишек, идущих в синагогу. Все эти поступки вовсе не считались злыми или даже плохими; это был просто знак повиновения лидеру группы и нормам банды.

Для нас, детей, олицетворением власти Системы были большие и страшные дворники, прогонявшие нас со ступенек домов, и бессердечные домовладельцы, способные выселять семью, которая не могла вовремя заплатить арендную плату, — у всех на глазах они запросто выносили на улицу ее пожитки. Я до сих пор чувствую позор этих семей. Но нашими худшими врагами были полицейские, гонявшие нас, когда мы играли в «хоккей» посреди улицы (клюшкой была метла, а шайбой — резиновый мячик). Без всяких причин они отбирали у нас метлы и запрещали играть. В нашем районе не было детской площадки, у нас были только улицы, а розовый резиновый мячик не представлял никакой опасности для прохожих. Как-то раз мы спрятали метлы, увидев, что к нам приближаются полицейские. Они задержали меня и стали спрашивать, где метлы. Я отказался отвечать; один из полицейских сказал, что арестует меня, потащил к машине и сильно ударил головой о дверь. После этого я никогда уже особенно не доверял людям в форме.

С таким воспитанием, в отсутствие какого бы то ни было родительского контроля — в те дни дети и родители не «тусовались» на улицах вместе — мой интерес к человеческой природе, и особенно к ее темной стороне вполне объясним. На самом деле «Эффект Люцифера» зрел во мне много лет, с детства в гетто и во время моего обучения психологии. Именно он по-

буждал меня задавать серьезные вопросы и искать ответы с помощью доказательств, основанных на опытах.

Структура этой книги несколько необычна. Она начинается с вводной главы, где в общих чертах обсуждается тема трансформаций человеческого характера, когда хорошие люди и ангелы начинают вдруг совершать плохие, злые и даже дьявольские поступки. Это приведет нас к фундаментальному вопросу о том, как хорошо мы на самом деле знаем себя, насколько мы способны предсказать свое собственное поведение в таких ситуациях, с которыми прежде никогда не сталкивались. Способны ли мы, подобно Люциферу, любимому ангелу Господа, поддаться искушению и совершить то, что для других немыслимо?

В главах, посвященных Стэнфордскому тюремному эксперименту, подробно описывается обширное исследование трансформаций личности студентов колледжа, игравших случайным образом присвоенные им роли заключенных или охранников в «искусственной тюрьме», которая в итоге стала ужасающе похожа на реальную. Хронология событий в этих главах представлена в виде киносценария. Это рассказ от первого лица в настоящем времени, с минимумом психологических интерпретаций. Только завершив описание эксперимента (а нам пришлось закончить его раньше, чем мы планировали), мы проанализируем его выводы, опишем и интерпретируем полученные данные и поразмышляем о психологических процессах, которые мы наблюдали в процессе эксперимента.

Один из основных выводов Стэнфордского тюремного эксперимента заключается в том, что глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление. Этот вывод мы рассмотрим более подробно в следующих главах, где подкрепим его данными обширных психологических исследований. Мы увидим, как участники этих исследований — и студенты колледжей, и «простые граждане» — приспосабливаются, подчиняются, повинуются и охотно поддаются искушениям, делая то, что не могли себе и представить, пока не оказались в силовом поле ситуационных факторов. В книге в общих чертах описан целый ряд психологических

процессов, способных заставить хороших людей творить зло — деиндивидуализировать других, повиноваться власти, проявлять пассивность перед лицом угрозы, оправдывать себя и искать рациональные объяснения своему поведению. Дегуманизация — один из основных процессов, заставляющих обычных, нормальных людей спокойно или даже с энтузиазмом творить зло. Дегуманизация — нечто вроде «катаракты мозга», мешающей человеку ясно мыслить и заставляющей его считать, что другие люди — это не люди. Страдающие этой «катарактой» видят в других лишь врагов, которые несомненно заслуживают страданий, пыток и уничтожения.

Вооружившись набором исследовательских инструментов, мы перейдем к анализу причин ужасающих злоупотреблений и пыток в иракской тюрьме Абу-Грейб, совершенных американскими военными полицейскими — охранниками этой тюрьмы. Утверждения о том, что эти безнравственные действия были всего лишь проявлением садистских наклонностей нескольких «плохих солдат», так называемой «ложки дегтя»¹, мы проанализируем, сравнивая ситуационные факторы и психологические процессы, действовавшие и в этой тюрьме, и в нашей Стэнфордской темнице. Мы подробно поговорим о Месте, Человеке и Ситуации и проанализируем причины, которые привели к оскорбительному поведению, запечатленному в серии отвратительных «трофейных фотографий», сделанных охранниками во время издевательств над заключенными.

Затем мы двинемся от отдельного человека к ситуации, а от нее — к Системе. Мы изучим отчеты нескольких следственных групп по делу об этих злоупотреблениях, свидетельства множества юридических источников и организаций по правам человека. А затем я займусь место обвинителя, чтобы привлечь к суду Систему. Используя ограничения нашей правовой системы, в соответствии с которой за преступления судят только

¹ В 2004 г., когда в прессе появились скандальные фотографии пыток заключенных в тюрьме Абу-Грейб, представители администрации Буша прибегли к известной метафоре и объявили военных полицейских, замешанных в этой истории, единственной «ложкой дегтя» в «бочке меда» доблестной американской армии, а сам инцидент — единичным случаем, хотя это не соответствовало действительности. — Прим. пер.

отдельных людей, а не ситуации или системы, я предъявлю обвинения четырем офицерам высшего ранга, а затем и всей структуре военного и административного командования, созданной администрацией Буша. Читатель в роли присяжного заседателя сможет сам решить, доказывают ли мои аргументы вину Системы, точно так же, как и вину отдельных обвиняемых.

В последней главе наше довольно мрачное путешествие в сердце и разум тьмы снова приведет нас к свету. Мы поговорим о самых лучших сторонах человеческой природы, о том, что может сделать каждый из нас, чтобы не поддаться тлетворному влиянию Ситуации и Системы. Во всех описанных исследованиях, как и в реальной жизни, всегда встречаются те, кто устоял и не поддался соблазну. От зла их уберегали не какие-то врожденные таинственные добродетели, а скорее понимание, хотя и интуитивное, того, какой может быть интеллектуальная и социальная тактика сопротивления. Я расскажу о ряде таких стратегий и тактик, которые могут помочь читателю противостоять нежелательному социальному влиянию. Мои рекомендации основаны на моем собственном личном опыте и на работах моих коллег, социальных психологов, экспертов в области влияния и убеждения. (Эти данные приводятся и подробно обсуждаются на сайте этой книги: <http://lucifereffect.com>.)

Когда большинство в конце концов сдается и бунтуют лишь единицы, этих бунтовщиков можно считать героями, ведь им удается устоять перед влиянием могущественных сил, заставляющих других приспособливаться, слушаться и повиноваться. Мы привыкли считать, что герои — какие-то особенные люди. Они не похожи на нас, простых смертных, они способны совершать храбрые поступки или жертвовать жизнью. Я согласен, что такие особенные люди и вправду существуют, но среди героев они, скорее, исключение. Далеко не все герои идут на такие жертвы, и это действительно люди особой породы, например те, кто посвящает всю свою жизнь служению человечеству. Гораздо чаще люди, которых мы считаем героями, — это герои момента, герои ситуации, они действуют решительно, услышав призыв. Поэтому наше путешествие закончится на позитивной ноте. Мы поговорим об обычном

герое, живущем в каждом из нас. В противоположность концепции «банальности зла», утверждающей, что самые позорные акты жестокости по отношению к своим собратьям совершают не маньяки-убийцы, а самые простые люди, я предложу понятие «банальности героизма» и разверну знамя «обычного героя», который слышит призыв служить человечеству, когда наступает время действовать. И когда звучит этот призыв, наш герой знает, что он обращен к нему. Этот призыв пробуждает лучшие качества человеческой природы, открывает в нас способность встать выше могущественного давления ситуации и Системы. И это — яркое свидетельство человеческого достоинства, противостоящего злу.

Благодарности

Эта книга никогда бы не увидела свет без всех тех, кто помогал мне на каждом этапе этого долгого путешествия — от теоретической концепции до ее практической реализации на этих страницах.

ОПЫТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Все началось в августе 1971 г., в Стэнфордском университете, где мы спланировали и провели необычный эксперимент, а потом проанализировали его результаты. Нас побудил к этому эксперименту семинар, посвященный психологии тюремного заключения, проведенный под руководством Дэвида Джонса; в дальнейшем он стал начальником нашей «Стэнфордской тюрьмы». Чтобы подготовиться к основному эксперименту, лучше понять менталитет заключенных и персонала исправительных учреждений, а также исследовать важнейшие аспекты психологической природы тюремного опыта, я провел в Стэнфордском университете летний курс, посвященный этим темам. Я вел его вместе с другим преподавателем, Эндрю Карло Прескоттом, недавно получившим условно-досрочное освобождение после нескольких длительных отсидок в калифорнийских тюрьмах. Карло стал неоценимым консультантом и энергичным председателем нашей комиссии по условно-досрочному освобождению. На каждой стадии этого необычного исследовательского проекта в нем принимали активное участие два аспиранта, Уильям Кертис Бэнкс и Крейг Хейни.

Крейг использовал этот опыт как «трамплин» для невероятно успешной карьеры в сфере психологии и права. Он стал известным защитником прав заключенных, написал вместе со мной множество статей и разделов книг — по разным темам, связанным с исправительными учреждениями. Я благодарю каждого из них за вклад в исследование, а также за участие в интеллектуальном и практическом анализе его результатов. Кроме того, я выражаю благодарность всем студентам, которые добровольно вызвались участвовать в эксперименте. Даже сейчас, спустя несколько десятилетий, некоторые из них не могут его забыть. И здесь, и в следующих главах я снова хочу извиниться перед ними за все те страдания, которые они перенесли во время эксперимента и после него.

Дополнительные материалы

После окончания тюремного эксперимента мы перевели его архивные видеозаписи в DVD-формат и расшифровали стенограммы. Эта задача легла на плечи Шона Бруича и Скотта Томпсона, двух выдающихся студентов Стэнфорда. Шон и Скотт выделили самые важные эпизоды этих записей, а также собрали огромное количество справочных материалов, касающихся различных аспектов исследования.

Таня Зимбардо и Марисса Аллен помогали выполнять еще одну задачу. Они собирали и систематизировали обширные справочные материалы: вырезки из газет и журналов, мои заметки и др. Другая команда студентов Стэнфорда, в первую очередь Къеран О'Коннор и Мэтт Эстрада, провели экспертную проверку справочных материалов. Мэтт также расшифровал аудиозапись моего интервью с сержантом Чипом Фредериком, превратив ее в читабельный текст.

Я очень ценю обратную связь с коллегами и студентами — Адамом Брекенриджем, Стивеном Бенке, Томом Блассом, Роуз Макдермот и Джейсон Вивер — читавшими первый и второй черновики нескольких глав этой книги. Особую благодарность за помощь в создании раздела последней главы, посвященного сопротивлению нежелательному влиянию, я выражая Энтони Пратканису и Синди Ван. Я также благодарю Зено Франко за сотрудничество в разработке новых представлений о психологии героизма.

Я стал лучше понимать ситуацию в тюрьме Абу-Грейб и других очагах военных действий благодаря опыту и мудрости

урент-офицера¹ Марчи Дрюи и полковника Ларри Джеймса, военного психолога. Дуг Брейсуэлл непрерывно снабжал меня полезными источниками информации в Интернете, связанными с проблемами, о которых я пишу в двух главах книги, посвященных событиям в Абу-Грейб. Гэри Майерс, адвокат сержанта Фредерика, который без всякого вознаграждения выполнял свои обязанности в течение длительного времени, также предоставил мне все исходные материалы и данные, необходимые для понимания ситуации. Адам Зимбардо провел прекрасный анализ сексуального характера «трофейных фотографий», ставших результатом «забав» охранников ночной смены блока 1А.

Я выражают искреннюю благодарность Бобу Джонсону, коллеге-психологу, моему соавтору вводного учебника по психологии «Основные концепции» (Core Concepts). Боб прочитал всю рукопись и внес множество ценных предложений. То же сделал Саша Любомирски, помогавший координировать усилия Боба и Роуз Зимбардо. Роуз — профессор английской литературы, благодаря ей каждое предложение этой книги наилучшим образом выражает мои идеи. Я искренне благодарю этих людей за то, что они выполняли этот тяжкий труд с таким изяществом и здравым смыслом.

За дотошную и бережную правку я благодарю Уилла Мерфи, моего редактора из издательства Random House, — он продемонстрировал искусство, утраченное многими нынешними редакторами, и постоянно предпринимал отважные попытки ограничить текст только самыми важными темами. Линн Андерсон, великолепный и проницательный литературный редактор, в сотрудничестве с Винсеном Ла Скалой сделали мой текст более последовательным и ясным. А Джон Брокман был не просто моим агентом, но настоящим ангелом-хранителем этой книги.

Наконец, в те дни, когда я писал эту книгу по десять часов в сутки, днем и ночью, мое страдающее тело готовили к следующему раунду творчества массажист Джерри Хубер из центра Healing Winds Massage в Сан-Франциско и Энн Холлингсуорт

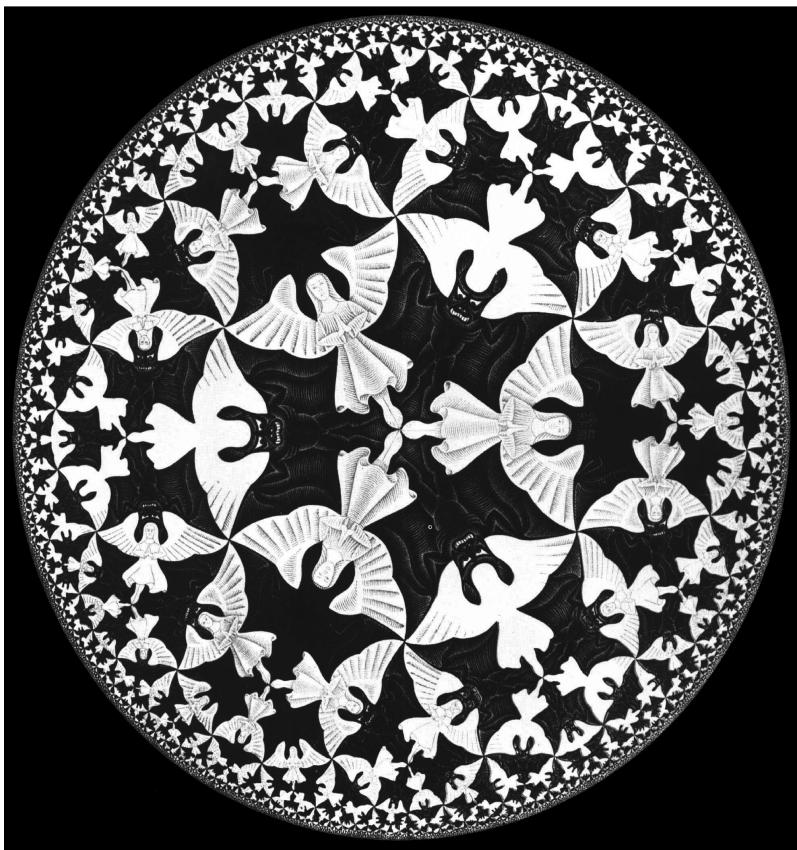
¹ Уорент-офицеры — в армии США категория военнослужащих между сержантским и офицерским составом. — Прим. ред.

из центра Gualala Sea Spa, когда я работал в своем укрытии в Си-Ранч.

Всем моим помощникам, членам семьи, друзьям, коллегам и студентам, благодаря которым я смог превратить свои мысли в слова, а слова — в рукопись и книгу, я выражаю свою самую искреннюю благодарность.

С наилучшими пожеланиями,

Фил Зимбардо

М. Эшер, «Предел — круг 4 (ад и рай)» © 2013 The M. C. Escher Company The Netherlands.
All rights reserved. www.mcescher.com.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Психология зла: ситуационные трансформации характера

Он в себе

*Обрел свое пространство и создать
В себе из Рая — Ад и Рай из Ада*

Он может.

Джон Мильтон. Потерянный рай¹

Взглядните на этот замечательный рисунок. А теперь закройте глаза и постарайтесь его вспомнить.

Что вы видите в своем воображении? Белых ангелов, танцующих в темном небе? Или черных демонов, рогатых чертей, обитающих в ярко-белом пространстве ада? В этой иллюзии художника Маурица Эшера можно увидеть и то, и другое. Однажды осознав, что добро и зло неразрывно связаны, уже невозможно видеть одно без другого. На следующих страницах я не позволю вам вернуться к удобному разделению между *вашей* доброй, невинной стороной и злой, грешной стороной *других*. «Способен ли я на зло?» Я хочу, чтобы в процессе нашего путешествия по незнакомым территориям вы снова и снова задавали себе этот вопрос.

Рисунок Эшера демонстрирует три психологические истины. Первое: мир наполнен и добром, и злом — так всегда было и всегда будет. Второе: границы между добром и злом проницаемы и расплывчаты. И, наконец, третье: ангелы могут стать демонами, а демоны, хотя это иногда трудно постичь, способны стать ангелами.

Возможно, этот рисунок напомнил вам об окончательной трансформации добра во зло, о превращении Люцифера

¹ Цит. по: Мильтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга. М., 1982.

в Сатану. Люцифер, «светоносец», был любимым ангелом Господа, но потом поставил под сомнение Его авторитет и вместе с другими падшими ангелами был низвергнут в ад. «Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба!» — восклицает Сатана, «противник Господа», в «Потерянном рае» Мильтона¹. В аду Люцифер-Сатана начинает лгать, давать пустые обещания, провозглашать громкие лозунги, потрясать копьями, трубить в трубы и размахивать флагами — примерно так, как это делают некоторые современные национальные лидеры. В аду, на конференции Демонических сил, где присутствуют все главные демоны, Сатана окончательно понимает, что не сможет вернуться на небеса, победив Господа в открытом бою [1].

Но политический соратник Сатаны, Вельзевул, предлагает поистине дьявольское решение: он призывает отомстить Господу, развратив Его величайшее творение, человечество. Сатана успешно соблазняет Адама и Еву ослушаться Господа и познать зло. Господь постановляет, что они будут спасены в свое время. Но с тех пор Сатане позволено манипулировать этим обещанием и вербовать ведьм, чтобы соблазнять людей творить зло. Позже посредники Сатаны стали жертвами ревностных инквизиторов, желавших избавить мир от порока. Но их ужасающие методы создали новую системную форму зла, которой раньше не видел мир.

Грех Люцифера заключается в том, что мыслители Средневековья называли «cupiditas»². Для Данте грехи, растущие из этого корня, — самые тяжкие, «грехи волка». Это такое духовное состояние, когда «черная дыра» в человеке столь глубока, что ее не могут заполнить ни власть, ни деньги. Для тех,

¹ Цит. по: Мильтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга. М., 1982.

² Cupiditas — алчность, жадность, неуемное стремление к богатству или к власти над другими. Cupiditas — это желание уподобить себе или поглотить все «другое», не похожее на нас. Например, похоть и сексуальное насилие — формы cupiditas: это попытки использовать другого человека как вещь ради удовлетворения собственных желаний; убийство ради выгоды — тоже cupiditas. Это противоположность концепции caritas, когда мы воспринимаем себя как часть круга любви, в котором каждый отдельный человек ценен сам по себе, а также в отношениях с другими. Максима «поступай с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой», — довольно бледное выражение идеи caritas. Возможно, лучше всего отражает эту концепцию латинское Caritas et amor, Deus ibi est — «где caritas и любовь, там Бог».

кто страдает смертельной болезнью под названием *cupiditas*, все, что существует за границами их личности, ценно лишь в том случае, если это можно как-то использовать или поглотить. Виновные в этом грехе попадают в девятый круг Ада Данте и замерзают в ледяном озере. При жизни они заботились лишь о самих себе, и теперь навечно заключены в ледяное и безучастное «Я». Заставляя людей подобным образом думать только о самих себе, Сатана и его слуги отвергают гармонию любви, объединяющую все живые существа.

Грехи волка заставляют человека отвергать милосердие, благодать Господню, и делать единственным своим благом — и своей тюрьмой — самого себя. В девятом круге Геенны грешники, одержимые духом ненасытного волка, навеки заточены в ледяной тюремье, которую создали для себя сами, где заключенный и тюремщик слились воедино в реальности эгоцентризма.

В научном исследовании происхождения Сатаны историк Элайн Пейглс предлагает провокационный взгляд на психологическое значение Сатаны как зеркала человечества:

«Сатана очаровывает нас тем, каким образом он выражает качества, выходящие за рамки всего, что мы обычно считаем человеческим. Сатана пробуждает не только алчность, зависть, похоть и гнев, которые мы отождествляем с худшими нашими побуждениями; не только то, что мы называем зверством, и из-за чего людей иногда сравнивают с животными («скотами»)... Он заставляет нас верить, что зло, в его наихудшем проявлении, связано со сверхъестественным. С тем, в чем мы с содроганием видим дьявольскую противоположность определения Господа как «великого Ты», о котором говорил Мартин Бубер¹ [2]».

Зло пугает нас и в то же время завораживает. Мы создаем мифы о замыслах дьявола и начинаем так в них верить, что го-

¹ Бубер, Мартин (Buber, Martin), еврейско-немецкий религиозный философ, писатель, переводчик и комментатор Библии. Согласно его воззрениям, Бог, великое Ты, делает возможными «Я — Ты»-отношения между человеком и другими существами. — Прим. пер.

тобы мобилизовать на борьбу со злом все силы. Мы отвергаем «другое» как чуждое и опасное, потому что оно нам незнакомо, но при этом сексуальная разнозданность и аморальность тех, кто не похож на нас, будоражат наше воображение. Профессор религиоведения Дэвид Франкфуртер завершает свои поиски «дьявола во плоти» размышлениями о социальных представлениях об этом «дьявольском другом».

Представления о социально другом как о дикаре-людоеде, демоне, колдуна, вампире или обо всем этом вместе взятом составляют постоянный репертуар символики извращенности. Мы рассказываем истории о дикости, свободных нравах и всяческих пороках и уродствах людей, находящихся на периферии или на задворках общества. Между тем то сочетание ужаса и удовольствия, с которым мы размышляем об этих других — и которое стало одной из причин жестокости колонизаторов, миссионеров и армий, вступающих на земли этих других, — определенно влияет на нас также и на уровне индивидуальной фантазии [3].

ТРАНСФОРМАЦИИ: АНГЕЛЫ, ДЕМОНЫ И МЫ, ПРОСТИЕ СМЕРТНЫЕ

«Эффект Люцифера» — моя попытка понять процессы трансформации, заставляющие хороших и обычных людей совершать плохие и дьявольские поступки. Мы попробуем ответить на фундаментальный вопрос: «Что заставляет людей творить зло?» Однако мы не станем обращаться к традиционному религиозному дуализму добра и зла, благодетельной природы и разворачивающего воспитания. Мы поговорим о реальных людях, занятых обычными делами, поглощенных работой, пытающихся остаться на плаву в зачастую бурных водах человеческой природы. Мы постараемся понять, какие трансформации происходят в их характерах, когда они сталкиваются с мощными ситуационными факторами.

Давайте начнем с определения зла. Я предлагаю очень простое, психологическое определение: зло — это осознанный,

намеренный поступок, совершающий с целью нанести вред, оскорбить, унизить, дегуманизировать или уничтожить других людей, которые ни в чем не виноваты; или использование личной власти и авторитета Системы для того, чтобы поощрять людей или позволять им совершать подобные поступки от ее имени. Коротко говоря, «зная, что такое хорошо, поступать плохо» [4].

От чего зависит эффективность человеческого поведения? Что определяет наши мысли и действия? Что заставляет некоторых вести моральную, добродетельную жизнь? Почему другие так легко скатываются к безнравственности и становятся преступниками? На чем основаны наши представления о человеческой природе? На предположении о том, что внутренние детерминанты ведут нас вверх, к вершинам добра, или вниз, в пучину зла? Достаточно ли внимания мы уделяем внешним факторам, определяющим наши мысли, чувства и действия? До какой степени человек является продуктом ситуации, момента, толпы? И есть ли поступок, совершенный кем-то из смертных, которого не смогли бы совершить мы с вами — никогда, ни при каких обстоятельствах?

Обычно мы прячемся за эгоцентричными и иллюзорными представлениями о том, что мы не такие, как все. Этот психологический щит позволяет нам верить, что по любому тесту, оценивающему добродетельность, наши показатели будут выше средних. Слишком часто сквозь толстую оболочку личной неуязвимости мы глядим вверх, на звезды, забывая при этом смотреть вниз, на скользкую дорогу под ногами. Такие эгоцентричные предубеждения чаще можно обнаружить в культурах, делающих акцент на личной независимости, например в странах Европы и в США, и реже в культурах, ориентированных на коллективное, например в Азии, Африке и на Среднем Востоке [5].

Во время нашего путешествия по пространствам добра и зла я попрошу вас поразмышлять над тремя вопросами. Хорошо ли вы знаете себя, свои достоинства и недостатки? На чем основано ваше знание себя — на анализе своего поведения в знакомых ситуациях или на тех случаях, когда вы сталкивались с совершенно новыми ситуациями, где привыч-

ные стратегии поведения теряли силу? И хорошо ли вы знаете тех, с кем чаще всего общаетесь — членов семьи, друзей, сотрудников и любимых? Одна из идей этой книги состоит в том, что наше знание себя обычно основано на весьма ограниченном опыте, полученном в знакомых ситуациях, где есть определенные правила, законы, политика и ограничивающие факторы. Мы ходим в школу, на работу, на вечеринки, ездим в отпуск; оплачиваем счета и платим налоги — изо дня в день, из года в год. Но что будет, если мы попадем в совершенно новую и незнакомую ситуацию, где наши привычки оказываются бесполезными? Например, переходя на новую работу, идя на первое свидание с незнакомцем, о котором узнали на сайте знакомств, вступая в какую-то организацию, оказываясь под арестом, записываясь в армию, вступая в секту или добровольно участвуя в эксперименте. Когда правила игры меняются, старые привычки не приводят к ожидаемым результатам.

В нашем путешествии, по мере того как мы будем сталкиваться с разными формами зла, я прошу вас постоянно спрашивать себя: «А как бы я поступил в этой ситуации?» На этом пути мы увидим геноцид в Руанде, массовое самоубийство и убийства прихожан Храма народов в джунглях Гайаны, резню в деревне Милай (Сонгми)¹ во Вьетнаме, ужасы нацистских концентрационных лагерей, пытки военной и гражданской полиции во всем мире, сексуальное насилие над прихожанами со стороны католических священников и изощренные методы мошенничества руководителей скандальных корпораций Enron и WorldCom. В итоге мы обнаружим общие качества всех этих злодеяний и посмотрим, как они проявились в недавно открывшихся злоупотреблениях по отношению к мирным жителям Ирака, заключенным тюрьмы Абу-Грейб. Благодаря исследованиям в сфере социальной психологии, в первую очередь благодаря эксперименту, получившему название «Стэнфордский тюремный эксперимент», мы найдем одну особенно важную нить, связывающую все эти злодеяния.

¹ В русскоязычной традиции: резня в Сонгми. Далее в тексте дается двойной вариант перевода. — Прим. пер.

Зло: неизменное и внутреннее или изменчивое и внешнее?

Нам приятна мысль о том, что хороших людей от плохих отделяет непреодолимая пропасть. Как минимум по двум причинам. Во-первых, эта мысль порождает бинарную логику, согласно которой Зло можно рассматривать как отдельную сущность. Обычно мы воспринимаем Зло как некое качество, с рождения свойственное одним людям и не свойственное другим. Из плохих семян в конце концов вырастают плохие деревья. Такова уж их судьба. Мы считаем примерами подобных злодеев Гитлера, Сталина, Пол Пота, Иди Амина, Саддама Хусейна и других тиранов нашего времени, совершивших масовые убийства. Мы также считаем злодеями, хоть и не такими ужасными, наркоторговцев, насильников, торговцев людьми на рынке сексуальных услуг, мошенников, тех, кто обирает пожилых людей и запугивает наших детей.

Кроме того, дихотомия «добро — зло» снимает с «хороших людей» ответственность. Они могут позволить себе даже не задумываться о том, что тоже могут способствовать созданию или существованию условий, которые приводят к правонарушениям, преступлениям, вандализму, унижениям, запугиванию, изнасилованиям, пыткам, террору и насилию. «Так устроен мир, и его не изменить, по крайней мере, мне это не под силу».

Альтернативная точка зрения рассматривает зло как процесс. Она утверждает, что на злодеяния способен каждый из нас, для этого нужны лишь подходящие обстоятельства. В любой момент человек может проявить те или иные качества (скажем, интеллект, гордость, честность или порочность). Наш характер может меняться, сдвигаться к «хорошему» или к «плохому» полюсу человеческой природы. Такая точка зрения предполагает, что мы приобретаем те или иные качества на основании опыта, целенаправленного развития или внешнего вмешательства, например, когда та или иная способность открывает нам новые возможности. Короче говоря, мы учимся быть хорошими или плохими независимо от нашей наследственности, личностных особенностей или семейной истории [6].

Альтернативные концепции: диспозиции личности, ситуационные и системные факторы

Итак, есть две точки зрения на зло: «зло как отдельная сущность» и «зло как процесс». Точно так же существует контраст между диспозициями личности¹ и ситуационными мотивами поведения. Как мы понимаем необычное поведение, неожиданные ситуации, аномалии, в которых не видим смысла, когда сталкиваемся с такими явлениями? Традиционный подход призывает нас определить врожденные качества личности, которые приводят к тому или иному поведению: генетическую наследственность, личные качества, характер, свободную волю и другие аспекты диспозиции, т. е. предрасположенности. Если мы столкнулись с жестоким поведением, нужно искать садистские черты личности. Если мы видим героический поступок, нужно искать гены, отвечающие за предрасположенность к альтруизму.

Недавно по Соединенным Штатам прокатилась целая серия перестрелок, в которых были убиты и ранены ученики и учителя средних школ [7]. В Англии два десятилетних мальчика похитили из торгового центра двухлетнего Джейми Балджера, а потом жестоко и хладнокровно его убили. В Палестине и Ираке молодые мужчины и женщины становятся террористами-смертниками. Многие жители европейских стран во время Второй мировой войны прятали евреев от нацистов, хотя и знали, что если их разоблачат, они и их семьи будут расстреляны. «Разоблачители» во многих странах мира рисуют свободой и жизнью, открыто обличая несправедливость и безнравственность лидеров своих стран. Почему?

Традиционные представления (распространенные среди тех, кто принадлежит к культуре, придающей особое значение индивидуализму) побуждают искать мотивы патологии

¹ Диспозиция личности — предрасположенность к определенному восприятию условий деятельности и к определенному поведению в этих условиях. В социальной психологии существует так называемое диспозициональное направление — подход к индивидууму, особо выделяющий устойчивые качества (черты личности), присущие человеку и обеспечивающие постоянство его поведения с течением времени и с изменением ситуаций. Первым выдвинул теорию черт личности американский психолог Гордон Оллпорт. — Прим. пер.